

«Узкие глаза, крючковатый нос»:
эталоны красоты «дев веселья» квартала Ёсивара
в период Эдо

Анастасия А. Бахвалова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия,
anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь «дев веселья» *ю:дзё* в веселом квартале Ёсивара в период Эдо. Описываются представления о женской привлекательности в Японии эпохи последнего сёгуната и косметические процедуры в контексте представлений о красоте тела. Автор сосредоточивается на отдельных частях тела и их преобразовании: зубы, ногти, волосы, стопы ног и др. В статье приводятся примеры таких преобразований, как чернение зубов *о-хагуро*, окрашивание ногтей и отбеливание лица специальным составом *о-сирои*. Также описываются распространенные в веселых кварталах периода Эдо ритуалы, в которых задействуются некоторые части тела: принесение клятвы любви и верности посредством отрубания пальца, принесение в дар ногтей и прядей волос и т. д. Автор анализирует популярные образы, на которые ориентировались обитательницы, *таю:* и *ойран*, и посетители веселого квартала Ёсивара в период Эдо.

Ключевые слова: Ёсивара, период Эдо, веселые кварталы, *ю:дзё*

Для цитирования: Бахвалова А.А. «Узкие глаза, крючковатый нос»: эталоны красоты «дев веселья» квартала Ёсивара в период Эдо // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 1. С. 72–90. DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-72-90

“Slit eyes and hook nose”.
The beauty standards of the Yoshiwara Yu:jo
during the Edo period

Anastasiya A. Bakhvalova

Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg, Russia,
anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Abstract. The paper considers the daily life of the “women for pleasure” *yu:jo* in the Yoshiwara quarter of the Edo period. It describes the concept of female attractiveness in the last shogunate era in Japan and describes cosmetic procedures in the context of the concept about the body beauty. The author focuses on individual parts of the body and their transformation: teeth, nails, hair, feet, etc. The article provides examples of such transformations as blackening teeth *o-haguro*, staining nails and whitening the face with a special composition of *o-shiroi*. It also describes the rituals common in the pleasure quarters of the Edo period, in which some parts of the body are involved: swearing an oath of love and fidelity by chopping off a finger, gifting nails and locks of hair, etc. The author analyzes popular images that visitors to the Yoshiwara were inspired by during the Edo period.

Keywords: Yoshiwara, Edo period, pleasure quarters, *yu:jo*

For citation: Bakhvalova, A.A. (2022), “‘Slit eyes and hook nose’. The beauty standards of the Yoshiwara *Yu:jo* during the Edo period”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 1, pp. 72–90, DOI: 10.28995/2658-4158-2022-1-72-90

Веселый квартал Ёсивара был учрежден в Эдо в 1618 г. с официального разрешения сёгунского правительства *бакуфу* на месте современного Нихомбаси Нингё-мати в Токио. В 1657 г. квартал переехал в район, близкий к современному Асакуса, и стал называться Син-Ёсивара, т. е. Новый Ёсивара. Просуществовав более 300 лет, квартал Ёсивара был закрыт в 1958 г.

В японском языке для обозначения веселых кварталов часто используется слово *курува*, что буквально означает «огороженная стеной площадь». С началом эпохи Эдо, когда к власти пришел клан Токугава, женщин, занимавшихся проституцией, попытались собрать в специально отведенных местах, которые окружались крепостной стеной и рвом, заполненным водой. Ёсивара был единственным подобным легальным веселым кварталом в Эдо. В источниках начала XVII в.¹ описываются такие преимущества изоляции

¹ 元和五ヶ条 [Гэнна гокадзё: Пять статей годов Гэнна] // 安藤優一郎. 江戸の色町遊女と吉原の歴史 江戸文化から見た吉原と遊女の生活

«продажных женщин», как возможность контроля посетителей, регулирования времени их пребывания в квартале и др.

Несмотря на роль Ёсивара в культуре и литературе Японии, тема японских веселых кварталов недостаточно хорошо разработана историографически. Среди японских исследований можно выделить работы ученых Сато Ёдзин [Сато 1999], Андо Юитиро [Андо 2016], Ямасиро Юкико [Yamashiro 1977, pp. 111–134] и др. Среди американских – монографию Сесилии Сэгава Сейгл [Seigle 1993], среди немногочисленных российских исследований – монографию А.Г. Фесюна [Фесюн 2020]. Те аспекты повседневной жизни квартала Ёсивара, которые относятся к взаимодействию «дев веселья» с клиентами, рассмотрены в историографии лучше, однако подробности личной жизни *ю:дзё* остаются малоизученными. В рамках нашего исследования было задействовано две группы источников, большинство из которых никогда не переводились на русский и другие европейские языки: произведения в жанре *ю:дзё-хё:банки* («записи различных толков», рейтинговые списки «дев веселья», часто в формате пародийных рассказов) и юмористические трехстишия *сэнрю*:. Одной из крупнейших антологий *сэнрю*: является «Хайфу Янагидару» (1765–1840), насчитывающая 165 томов. Составителем первых 24 томов выступил известный поэт Караи Сэнрю. Тысячи поэтов анонимно отправляли Караи Сэнрю свои работы, и тот включал лучшие из них в антологию. В 1999 г. японский ученый Сато Ёдзин выбрал из антологии отдельные *сэнрю*:, посвященные непосредственно кварталу Ёсивара, и издал их в отдельном сборнике [Сато 1999].

Официальной идеологией сёгуната Токугава стало неконфуцианство с его установкой на строгую регламентацию нравов. Большую часть периода Эдо Япония была изолирована от внешнего мира, действовала так называемая политика *сакоку*. Подобным образом *бакуфу* пыталось решить внутренние проблемы страны: запретить на определенной территории и ограничить все, что не подчинялось общим правилам и не поддавалось контролю.

Отрезанный от остального мира, веселый квартал Ёсивара оказался местом концентрации эдоской городской культуры, наполненной ощущением роскоши, свободы и праздника. Это был один из самых оживленных кварталов Эдо, входил в *Эдо сандзэн-рё* – тройку самых популярных достопримечательностей сёгунской столицы. *Ойран до:тю*: – парады пышно одетых знаменитых

[Андо Юитиро. Веселый квартал в Эдо. История Ёсивара и его ю:дзё. Повседневная жизнь ю:дзё в Ёсивара сквозь призму культуры периода Эдо. Токио, 2016. С. 34].

красавиц квартала, главных законодательниц мод страны, вдохновляли художников на создание шедевров гравюр *укиё-э*, драматургов – написание пьес театра *Кабуки*. *Таю*: и *ойран*, «девы веселья» высшего разряда были настоящими эталонами женской красоты и примерами для подражания для многих своих современниц.

Для японца периода Эдо квартал Ёсивара был отдельным миром, который существовал по своим законам, в котором все знали свои роли и играли «по сценарию», а тех, кто не мог с этим справиться, жестоко высмеивали. В Ёсивара были в моде изысканные обычаи аристократов древности. *Таю*:; «девы веселья» высшего ранга, до середины XVIII в. были живым воплощением придворных дам периода Хэйан: они подражали им в искусстве стихосложения, каллиграфии, в составлении ароматов, знали наизусть всех классиков (не только хэйанских поэтов и писателей, но и авторов периода Нара [«Манъёсю»], а также китайскую литературу [сборник танской поэзии «Тосисэн»]) и даже носили имена героинь «Повести о Гэндзи» (*гэндзи-на*). Правила, по которым проходили свидания с *таю*:; во многом напоминали дислокальные брачные традиции хэйанской аристократии, включавшие ритуал «утреннего расставания» (*кинугину-но вакарэ*), обмен письмами и др.

Как и запертые в стенах веселого квартала *таю*: и *ойран*, женщины эпохи Хэйан были удалены от непосредственного участия в общественной жизни, и их сношения с внешним миром были крайне ограничены. Они не только почти не покидали своего дома, но даже внутри усадьбы очень мало передвигались. Окруженные слугами, женщины были освобождены от всех домашних обязанностей, и их существование было практически полностью сидячим и проходило в часах ожидания какого-нибудь послания или посетителя. Чувство *цурэдзурэ* – тоски, скуки или праздности наполняло их будни [Моррис 2019, с. 307].

Это же чувство (*цурэдзурэ*) испытывает «дева веселья», ожидающая гостя, сидя на зарешеченной веранде. Как многочисленные экраны и ширмы скрывали от посторонних глаз аристократку эпохи Хэйан, так и решетка в квартале Ёсивара скрывала *ойран*. Чем выше классом был веселый дом, тем плотнее была решетка. Существовало три класса заведений: 1) заведение с верандой с полной решеткой (*оо-мисэ*), 2) заведение с решеткой, открытой на четверть в верхнем правом углу (*тю:-мисэ*), 3) заведение с решеткой, открытой до половины (*ко-мисэ*). В *сэнрю*: из антологии «Хайфу Янагидару» неизвестный автор так описывает скучающую на веранде *ю:дзё*:

徒然なるままに昼見世文を書き²

Цурэдзурэ нару мама-ни хиру-мисэ фуми-о каки

Скучает днем на зарешеченной веранде. Пишет письмо.

Японцы верили, что сидеть в *сэйдза*, т. е. в максимально сжатом состоянии и на пятках, полезно для здоровья, потому что такая поза обеспечивает максимально хороший баланс женского и мужского начал – инь и ян. Активные и быстрые движения, напротив, считались вредными, так как слишком быстрое движение приводит к потоотделению, при котором правильная энергетика (*ки*) покидает тело [Мещеряков 2012].

Сидячий образ жизни, которого японские женщины придерживались веками, привел к тому, что их отличительными чертами стали искривленные ноги с широкими лодыжками и косолапая походка. Однако именно такими были эталоны красоты: семяющая поступь, как если бы ноги были связаны в коленях, считалась привлекательной, и *ойран* квартала Ёсивара довели этот стиль ходьбы до совершенства. В тяжелых сандалиях, высота подошвы которых могла достигать 40 см, они «скользили» по земле восьмерками (*хатимондзи-ни аруку*), грациозно покачиваясь и опираясь рукой на плечо особого провожатого.

Мода на подобную демонстрацию беспомощности существовала и в Китае, где идеалом красоты была крохотная «лотосовая ножка», однако в Японии бинтование ног не получило распространения. Напротив, голые ступни, выглядывавшие из-под длинного одеяния «девы веселья», считались очень соблазнительными, поэтому за красотой и здоровьем ног тщательно следили: кожу отпаривали, а ногти (как и на руках) красили соком сливы [Митани 2011, с. 525].

Даже зимой *юдзё* квартала Ёсивара носили сандалии на босу ногу. Причин, по которым «девы веселья» не носили носки *таби*, можно выделить несколько. Во-первых, в период Эдо *таби* считались привилегией высших сословий, и человек, занимавший низкое положение в обществе, не мог носить носки в присутствии высшего по рангу. Во-вторых, голые ноги были своеобразным символом молодости и здоровья, носки же ассоциировались со старостью и болезнями. Третьей причиной было предотвращение побегов: беглянку можно было очень быстро вычислить по нежным холенным ступням.

Со временем босые ноги стали настоящей «визитной карточкой» *ойран* из Ёсивара. В *сэнрю*: из антологии «Хайфу Янагидару» говорится:

² 徒然なるままに [Скучает] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 145].

道中をしなれた妻の足袋ぎらい³

До:тю: - о синарэта цума-но табигирай

Жена, привыкшая к парадному шествию *до:тю:*, не любит *таби*.

Несмотря на то что в Японии до сих пор существует традиция разуваться на входе в помещение, внутри публичного дома *ю:дзё* периода Эдо могли передвигаться обутыми. Они носили тяжелые деревянные сандалии *увадзо:ри*, которые при ходьбе издавали характерный громкий звук. Считалось, что у каждой «девы веселья» было свое неповторимое звучание *увадзо:ри*, по которому можно было издали догадаться о ее приближении. Например, в нижеследующем *сэнрю*: описывается ситуация, когда гость долгое время дожидался прихода *ойран* и наконец-то услышал звук ее приближающихся шагов, однако женщина остановилась у соседней комнаты, чтобы подразнить кавалера.

上草履となりまで来てとどころり⁴

Увадзо:ри тонари мадэ китэ тодоко:ри

Совсем близко подошли *увадзо:ри* и замерли.

Если «дева веселья» играла роль знатной дамы, то посетитель квартала становился знатным кавалером. Кем бы ни был гость, заходя на территорию квартала, он оставлял снаружи свой сословный статус и скрывал свое истинное лицо под соломенной шляпой. В Ёсивара он уподоблялся герою-любовнику древности, который сначала подглядывал за женщиной, а затем, заручившись поддержкой кого-нибудь из служанок, посылал ей письмо, после чего наносил визит. Зачастую кавалер мог даже не знать свою избранницу в лицо, оценивая ее красоту и привлекательность по изящности почерка и утонченности высказываний.

Таю: и *ойран* и их клиенты обычно подражали классическим образам (например, кавалер Аривара-но Нарихира, поэтесса Ононо Комати, принц Гэндзи), которые были стабильно популярны весь период Эдо, но особенно в первой его половине. Однако в это же время рождались новые образы и сюжеты, ставшие примером для подражания во второй половине периода Эдо. Это сюжеты пьес театров Кабуки и Нингё дзёрури (например, «Двойное самоубийство в Сонэдзаки» (1703) Тикамацу Мондзаэмона), героями которых часто выступали простые горожане.

³ 道中を [Шествие дотю] // 佐藤要人. 川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 27].

⁴ 上草履となりまで来て [Совсем близко подошли увадзо:ри] // 佐藤要人. 川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 27].

Мужчинам периода Эдо приходилось прилежно готовиться к походу в квартал, чтобы справиться со своей ролью и не опозориться, ведь каждое их действие выносилось на обсуждение обитательницами веселого дома. Если в первой половине XVII в. клиентами *таю*: становились в основном представители благородного воинского сословия *буси*, то в середине XVIII в. это были уже богатые горожане.

В *сэнрю*: из антологии «Хайфу Янагидару» неизвестный автор написал:

扇屋へ行くので唐詩せん習い⁵

О:гия-э юку-нодэ тосисэн нараи

Изучаю «Тосисэн», потому что иду в «Огия».

Герой этого юмористического стихотворения штудирует «Тосисэн» – сборник китайской поэзии времен империи Тан (618–907), по которому его современники изучали китайскую поэзию, потому что он собирается в «Огия» – один самых знаменитых публичных домов *кэйсэйя* (傾城屋) в Ёсивара.

Высокоранговые обитательницы квартала Ёсивара были так же образованны, как знатные дамы периода Хэйан. Они много читали, как классику, так и современную литературу, и заказывали много книг. В *сэнрю*: из антологии «Хайфу Янагидару» неизвестный автор написал:

おいらんの書棚に古今三部抄⁶

Ойран-но сёдана-ни кокинсанбусё:

[Глянул] на книжную полку *ойран*, а там – «Кокинсанбусё».

«Кокинсанбусё» – название одного из предисловий к антологии «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Японии»), составленной в период Хэйан.

おいらんの机にゆうし五元集⁷

Ойран-но цукузэ-ни ю:си гогэнсю:

[Глянул] вечером на столик *ойран*, а там – «Гогэнсю».

«Гогэнсю» – сборник хайку поэта школы Басё, Такараи Кикаку (1661–1707).

⁵ 扇屋へ [В Огия] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 61].

⁶ おいらんの書棚 [На книжной полке ойран] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 60].

⁷ おいらんの机 [На столике ойран] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 59].

Даже для того, чтобы сыграть в веселую карточную игру, требовалась специальная подготовка. Одной из самых популярных карточных игр в Ёсивара была *ута-карута*, которая предполагала знание наизусть всех стихотворений антологии «Хякунин иссю» («Сто стихотворений ста поэтов», живших в период Хэйан). *Сэнрю*: середины периода Эдо ярко это иллюстрирует:

歌かるたしんぞうよんでしまわせる⁸

Ута-карута синдзо: ёндэ сивавасэру

Играем в *ута-каруту*. Позвали *синдзо* собирать карточки.

Собрать карты – простое поручение, но маленькие прислужницы *камуру* еще не знают всех стихотворений, поэтому зовут старших девушек.

Похожая игра была излюбленным развлечением аристократов периода Хэйан. Она называлась *каи-авасэ* («соединение ракушек»): на одной половинке раковины была изображена первая часть рисунка, а на другой – продолжение, или на парных раковинах изображались части стихотворения.

В пародийном произведении жанра *ю:дзё-хё:банки* 1737 г., «Кэйсэй цурэдзурэгуса» писателя Сэньюко Ёсигику⁹, можно найти примеры наставлений для *ю:дзё*:

1) 傾城となりでは、ねかはしかるへき芸能こそおほかめれ。それか中にも、読書ならぬはおほいなるきつなり (*Кэйсэй-то нари дэва, нэкахасикару-хэки гэйно:-косо охокамэрэ. Сорэка нака-ни мо, докусё нарану-ва охоинару кицунари*). *Кэйсэй* (одно из обозначений «девы веселья» *юдзё*) должна овладеть множеством искусств. Среди них чтение и письмо;

2) 心がくへきものは琴、三味線、あるは徒然草、古今、源氏ものかたりのたくひ、かたかなものなと (*Кокорогаку-хэки моно-ва кото, сямисэн, ару-ва цурэ-дзурэ гуса, кокин, гэндзи моногатари-но такухи, катакана-моно нато*) Необходимо освоить цитру *кото*, лютню *сямисэн*, читать «Записки от скуки», «Собрание старых и новых песен Японии», «Повесть о Гэндзи», различные *канадзоси* и т. д.;

3) また、およひなきもろこしの書にもこころをかけ <...> (*Мата, оёхинаки морокоси-но сё-ни мо kokoro-o какэ*). Желательно обращать внимание и на китайскую классическую литературу;

⁸ 歌かるた [Ута-карута] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 64].

⁹ 傾城つれづれ草 [Кэйсэй цурэдзурэгуса] // 江戸吉原叢刊行会：遊女評判記 [Эдо Ёсивара сокан канкокай: юдзё-хёбанки 5. Токио, 2011. С. 279–287].

4) 床の掛け物は、やさしき絵などをよしとす。よみがたき字などはわろし(*Токо-но какэмоно-ва, ясаки э нато-о ёситосу. Ёмигатаки дзи-ва вароси*). Что касается вертикальных свитков для украшения ниши *токонома*, то хороши незатейливые картины. Свитки со сложными иероглифами нежелательны;

5) 棚のかさり物は、うつくしき道具はよし。唐ものたくひはわろし。仮名ほんなどは、少々おくはよし(*Тана-но кадзаримоно-ва, уцукусики до:гу-ва ёси. Кара-моно такухи-ва вароси. Кана-хон нато-ва, сё:-сё: оку ва ёси*). Что касается украшений на полке, то хороша различная изящная утварь. Китайские предметы *карамоно* нежелательны. Хорошо положить книги, написанные слоговой азбукой, но немного;

6) すべてきやくのしらぬ事は、しらぬかほにするはよし。そこはこふ、それはこふなど、いふはわろし(*Субэтэ кяку-но сира-ну кото-ва, сира-ну као-ни суру ва ёси. Соко-ва кофу, сорэ-ва кофу нато, ифу ва вароси*). Хорошо делать вид, что не знаешь того, чего не знает гость. Плохо говорить: «Это так-то, а вот это – вот так-то»;

7) ものやわらかに、愚なる體にみゆるはよし (*Монояварака-ни, ороканару карада-ни миюруми-ва ёси*). Закрывать глаза на глупость других – хорошо;

8) りくつなとも、はきはきといふはわろし (*Рикуцу нато мо, хаки-хаки то ифу ва вароси*). Заваливать [гостя] аргументами – нехорошо;

9) いいのこすはよし (*Иинокосу ва ёси*). Недоговаривать – хорошо;

10) 琴、三味線も、手のまはるに任せてひくはわろし(*Кото, сямисэн, тэ-но махару-ни макасэтэ хiku ва вароси*). Плохо полагаться только на то, что есть под рукой: *кото* или *сямисэн*;

11) 日にかかはる客の心を、我その日のこころとすへし。客のこころ、ひとつならず。あるひは芸を好ものあり、このまぬも有。遊びをすくもあり、すかぬも有(*Хи-ни какахару кяку-но кокоро-о, варэ соно хи-но кокоро то сүхэси. Кяку-но кокоро, хитоцу нарасу. Ару хи-ва гэй-о коному моно ари, кономану мо ари. Асоби-о суку мо ари, сукану мо ари*). Нужно подстраиваться под настроение гостя, которое может меняться в зависимости от дня. Не меряй общим аршином сердца гостей. Бывает так, что им нравятся искусства, а бывает, что не нравятся. То же и с шумными забавами.

Источник помогает нам понять, что так же, как и в период Хэйан, женщина из Ёсивара должна была быть образованна, тем не менее излишняя осведомленность в области китайской литературы и всего, что считалось мужской привилегией, производила невыгодное впечатление. Использование сложных иероглифов и любая другая демонстрация превосходства в знаниях и образовании над гостем-мужчиной считались дурным тоном.

Свидание с «девой веселья» проходило согласно особым традициям, между ней и ее гостем заключался символический брак, который был действителен только в стенах веселого квартала. «Брак» мог быть заключен как на одну ночь, так и на более длительный срок. Особенно это касалось женщин высоких рангов. Чтобы сблизиться с *таю*: и стать ее *надзими* («знакомцем», постоянным гостем), сперва должно было состояться три посещения, сопровождаемые пышными пирами и одариванием подарками самой *таю*: и ее свиты. Владелец веселого дома даже мог заключить с *надзими* письменное соглашение.

Помимо официального соглашения, существовали и другие способы заключения союза. В новелле Ихара Сайкаку «Пять женщин, предавшихся любви» описывается ритуальное «искусство привязывать к себе» (*тэрэн тэкуда*), в котором особую роль играли части тел любовников. Например, в главе «О Сэйдзюро из Химэдзи» автор пишет: «Амулетов с клятвами накопилось у него с тысячу связок: сорванные ногти уже не вмещаются в шкатулку; пряди черных волос свились в толстый жгут...»¹⁰, «Домашняя швея уколола себя иголкой, написала кровью о том, что у нее на сердце, и послала ему...»¹¹ и др.

Ритуал состоял из шести элементов: 1) подарить отрезанный ноготь; 2) срезать и подарить прядь волос; 3) отрубить и принести в дар палец (любопытно, что в Японии до сих пор принято приносить клятву или давать обещание на мизинцах); 4) составить клятву, поставить подпись кровью, сжечь и выпить пепел, разведенный в воде; 5) нанести татуировку с посланием, оставленным мужчиной; 6) нанести длинную рану на руке или бедре [Фесюн 2020, с. 73]. Многие мужчины были рады подобным знакам внимания от *ю:дзэ*, поэтому женщины часто обманывали их, посылая чужие ногти и волосы (например, состриженные с покойниц).

Ихара Сайкаку в своей новелле «Любовные похождения одинокого мужчины» описывает следующую сцену. Главный герой видит, как на кладбище крестьяне раскапывают могилу одной красавицы, чтобы забрать ее ногти и волосы и продать их в веселый квартал. Свои действия гробокопатели объясняют так: «В знак готовности умереть ради любви женщины веселого квартала срезают волосы, срывают ногти и подносят мужчинам в дар. Настоящие свои волосы и ногти они посылают тем, кого действительно любят, но есть у каждой еще пять–семь дыхателей,

¹⁰ Ихара Сайкаку. Пять женщин, предавшихся любви / Пер. с яп. Е. Пинус. М.: Эксмо, 2008. С. 29.

¹¹ Там же. С. 34.

которые рады будут получить вложенный в письмо подарок, мол, «ради вас отрезала»¹².

Признаком замужней женщины в период Эдо были черненные зубы. Все «девы веселья», кроме женщин самых низких рангов, соблюдали традицию *о-хагуро*. *Канэ* – краситель для чернения зубов, «железный сок» (раствор ацетата железа с добавлением чернильных орешков сумаха) стоил больших денег, и расходы на данную процедуру часто брал на себя кто-нибудь из постоянных гостей. В середине периода Эдо неизвестный автор написал:

きついやつ三十二両染めてやり¹³

Кицуи яцу сандзю:ни рё: сомэтэяри

Решительный парень. Покрасил [ей зубы на] тридцать два рё.

В период Хэйан зубы чернили все аристократки, не только замужние. Иметь белоснежную улыбку считалось просто неэстетично и даже неприлично. В новелле XI в. «Любительница гусениц» над героиней, которая отказывается чернить зубы, смеются: «Противно-то как! Брови у Химэгими – точь-в-точь как у гусеницы. А зубы белые – словно у гусеницы, с которой кожу содрали!»¹⁴

おはぐろのそばで返事をあけて見せ¹⁵

О-хагуро-но соба-дэ хэндзи-о акэтэ мисэ

Показывает ответ во время *о-хагуро*.

Черный лак на зубах не только считался утонченным, но и имел практическое назначение: раствор восполнял недостаток железа и помогал сохранить зубы здоровыми. Танин, вещество растительного происхождения, которое добывали из коры некоторых растений, укреплял десны и защищал зубы от кариеса. Кроме Японии, этот обычай был распространен практически повсеместно в Юго-Восточной Азии, Микронезии, части Меланезии (включая Фиджи) и на Мадагаскаре. М.В. Станюкович подчеркивает: «Манипуляции с зубами тысячелетиями входили в ритуальный комплекс жизненного цикла человека. Они несли символические функции,

¹² *Ихара Сайкаку*. Любовные похождения одинокого мужчины / Пер. с яп. И.В. Мельниковой. СПб.: ИД «Гиперион», 2020. С. 169.

¹³ きついやつ [Решительный парень] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 23].

¹⁴ Любительница гусениц / Цуцуми тюнагон моногатари в пер. А.Н. Мещерякова // Японская новелла. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. С. 90.

¹⁵ おはぐろのそばで [Во время *о-хагуро*] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 25].

связанные с представлениями о жизни и смерти, соотношении миров животных, духов и людей, о жизненной силе, статусе и красоте» [Станюкович 2015, с. 244].

Для *ю:дзё* большое значение имел обряд первого чернения зубов – *хацуканэ*. Он требовал больших затрат, взять на себя которые должна была *анэ-дзёро*, старшая «дева веселья», которая заботилась об одной-двух младших подопечных. Обряд традиционно сопровождался церемонией рассылки чайным домикам *цукэганэ* – особых даров (в денежной форме), с целью представить посредникам новую «деву веселья» и заручиться их расположением. В *сэнрю*: середины периода Эдо говорится:

初鉄漿よりは付金が身にしみる¹⁶
Хацуканэ-ёри-ва цукэганэ-га ми-ни симиру
Цукэганэ заботит сильнее, чем *хацуканэ*.

При заключении брака в период Хэйан мужчина также проводил в доме женщины три ночи, наутро отправляя ей особые послания. После оглашения брака на пиру, который устраивало семейство женщины, брак считался заключенным, однако жена не переезжала к мужу и продолжала жить в своем доме.

Кинугину-но вакарэ («утреннее расставание») – особый ритуал, в названии которого присутствует игра слов: *кинугину* 後朝 (следующее утро) и *кинугину* 衣衣 (два одеяния). Американский японовед А. Моррис так описывает этот момент: «Кавалер эпохи Хэйан реагирует на пение петуха уместными изъявлениями сокрушенности и влечется прочь при первом свете зари» [Моррис 2019, с. 312].

Утро *ю:дзё* начиналось с проводов посетителей, которые (в подражание «утреннему расставанию» в период Хэйан) также назывались *кинугину-но вакарэ*. Примерно в шесть часов утра гостей приходили слуги из чайных домиков.

茶屋が来りや屏風の中で時を聞き¹⁷
Тя-га курия бё:бу-но нака-дэ токи-о кики
 Как только приходит [посыльный] из чайного домика,
 за ширмой тут же спрашивают, который час?

Обычно «девы веселья» провожали гостей до второго или первого этажа веселого дома, но в особенных случаях могли прийти вместе с посетителем до самых Главных ворот – единственного выхода из квартала.

¹⁶ 初鉄漿 [Хацуканэ] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 23].

¹⁷ 茶屋が来りや [Когда приходит [посыльный] из чайного домика] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 176].

再会を期して大門から別れ¹⁸

Сайкай-о госитэ оомон-кара вакарэ

Расстаются у Главных ворот с надеждой на повторное свидание.

Подобные проводы традиционно сопровождалась клятвами в вечной любви, словами надежды на скорое свидание и т. д. Однако, когда посетитель покидал квартал, игра заканчивалась, а вместе с ней кончались и временные роли. Гость снимал соломенную шляпу и отправлялся по своим делам, а «дева веселья», забыв о том, как горевала о предстоящей разлуке, укладывалась спать.

後朝のあとは身になる一と寝入り¹⁹

Кинугину-но ато-ва ми-ни нару хито нэири

Утром после проводов гостя [самое лучшее] – это сладкий сон.

Также обязательным утренним ритуалом *ю:дзё* (после второго пробуждения) было принятие горячей ванны. В бане женщины могли без притворства обсуждать посетителей. В нижеследующем *сэнрю*: подобная беседа сравнивается с *танаороси*, т. е. учетом или инвентаризацией.

据風呂で昨夜のたなおろし²⁰

Суэбуро-дэ сакуя-но кяку-но танаороси

В бане ведут учет вчерашних гостей.

В Японии периода Эдо, в отличие от периода Хэйан, выполнялось очень много гигиенических процедур: люди не только мылись в бане один-два раза в день, но и чистили зубы, пользовались зубочистками и ложками для чистки языка. В городах и вдоль дорог были установлены туалеты. Японцы верили, что тело нужно содержать в чистоте, чтобы сберечь здоровье на долгие годы. Тело не принадлежало человеку и должно было быть использовано для служения, для исполнения сыновнего долга [Мещеряков 2012] или *ко*: 孝 (оно же – китайское *сяо*), «охотное и умелое служение отцу с матерью» в переводе В. М. Алексеева [Алексеев 2002, с. 164]. Работа «дев веселья» в Ёсивара также являлась одной из форм исполнения *ко*:: выкуп, который родители *ю:дзё* получали за своих дочерей, помогал им свести концы с концами.

¹⁸ 再会を [Повторное свидание] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 181].

¹⁹ 後朝のあと [После утреннего расставания] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 183].

²⁰ 据風呂で [В бане] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Саго 1999, с. 141].

Еще одним эталоном красоты японской женщины были длинные, «до пят», волосы, которые аристократки периода Хэйан носили распущенными или прихватывали лентой. Распущенные волосы были признаком того, что женщина не работает.

Черные блестящие волосы сравнивались с цветом мокрого вороньего крыла 烏の濡れ羽色 (*карасу-но нурэбаירו*). Эпитеты для передачи красивого черного цвета волос могли содержать сравнение и с другими цветами. В частности, 緑の黒髪 (*мидори-но куроками*) – «зелено-черные волосы», или 青糸 (*сэйси*) – «голубые нити». Последний эпитет этимологически восходит к другому поэтическому значению слова 青糸 (*сэйси*) – «свисающие голубые ветви ивы», вызывающие ассоциацию с распущенными волосами [Лихолетова 2019, с. 58].

В период Эдо получили распространение разнообразные сложные прически, для закрепления которых использовались различные масла и соки. Классической прической *ю:дзё* считалась укладка *симада-магэ* и ее разновидности. Собранные вместе пряди волос подворачивали сверху и затем загибали внутрь, придавая характерную форму, сбоку напоминавшую восьмерку. Еще в конце XVII в. появилась прическа *хёго-магэ*, которая также считалась классической и была самой узнаваемой в Ёсивара. Пряди разделяли вертикально пополам и перевязывали центр так, что образовывалась форма, схожая с крыльями бабочки. Третьим популярным способом укладки был *кацуяма-магэ*, при котором волосы завязывались вверху кольцом. Прическа *кацуяма-магэ* поначалу была отличительной чертой высокоранговых *ю:дзё*, однако затем распространилась и за пределами квартала, став излюбленной укладкой замужних женщин [Андо 2016, с. 167].

На протяжении почти всего XVIII в. женщины сами укладывали свои волосы, а первые профессиональные женские парикмахеры появились к концу столетия. Со временем в прическу добавлялось все больше масла, увеличились в размерах и количестве заколки. В XVIII в. они были очень невелики и легки, зато выполнялись из натуральных материалов [Бекер 2013, с. 94].

Основным материалом для изготовления заколок служил черепаховый панцирь. Одна шпилька стояла в среднем 4–5 рё, в прическе их было около 6–8 и больше. В *сэнрю*: середины периода Эдо говорится:

傾城のかうべに亀が五六疋²¹

Кэйсэй-но каубэ-ни камэ-га гороптики

В голове куртизанки пять-шесть черепах.

²¹ 傾城のかうべ [Прическа куртизанки] // 佐藤要人。川柳吉原便覧 [Сато 1999, с. 42].

Из черепахового панциря изготавливались также *кандзаси* – еще один вид украшений для волос. Среди *юдзэ* особенно популярны были *ёситё* – раздвоенные плоские шпильки, которые украшали затылочную часть прически женщин и считались предметом роскоши. Замужние женщины носили одну *ёситё* в районе виска, а *юдзэ* – множество *ёситё* во всех частях причёски, в том числе и в челке. Также популярны были различные серебряные *кандзаси*.

Помимо сооружения сложных причесок, красавицы Ёсивара наносили сложный макияж: свинцовыми или рисовыми белилами они отбеливали лицо и шею, а также руки и ноги, наносили красную подводку и красили губы (двумя цветами: красным и зеленым, чтобы придать рту более страстное и чувственное выражение).

Обычай наносить белила на лицо пришел в Японию из Китая, где придворные дамы династии Тан изображались с белоснежными лицами, белая пудра *осирои* применялась еще в VIII в. В период Хэйан белоснежная кожа была социальным маркером принадлежности к аристократии, поэтому белила наносили не только женщины, но и мужчины. Такие слова, как 雪膚 (*сэнпу*), 雪肌 (*сэки*) – «белоснежная кожа»; 白肌 (*сирахата*) – «белая кожа», 白皙の (*хакусэки-но*) – «белокожий», являются синонимами лексемы 美肌 (*бихада*) – «красивая кожа». Поговорки 色の白いは七難隠す (*иро-но сирой ва ситинан какусу*) – «белое скроет все недостатки» и 米の飯と女は白いほど良い (*комэ-но мэси то онна ва сирой ходо ёй*) – «рис и женщина – чем белее, тем лучше» подтверждают важность этого критерия для эстетического восприятия внешности женщины [Лихолетова 2019, с. 59].

«Узкие глаза, крючковатый нос» (*хикимэ кагибана*) – так назывался живописный канон эпохи Хэйан, по которому все аристократические особы изображались круглолицыми, с пухлыми щеками, узкими глазами и носом крючком. Примерами могут послужить свитки с иллюстрациями к «Повести о Гэндзи» или изображения женских божеств (например, Бэндзайтэн из Цуругаока Хатимангу, богиня воды и покровительница музыки и искусства, изначально индийская богиня Сарасвати). Такой тип лица (*о-камэ*) ассоциировался с красотой на протяжении долгого периода времени, однако в эпоху Эдо критерии были пересмотрены и новым эталоном стало продолговатое лицо с изогнутыми дугой бровями, узкими глазами и маленьким ртом. Крючковатый нос сохранялся, но становился более вытянутым в переносице. Тенденция отождествления понятия красоты с удлиненным лицом получила наивысшее развитие в серии гравюр *юкиё-э* Китагава Утамаро («Портреты красавиц»). Круглое лицо стало объектом насмешек и переместилось в театр в качестве комедийной маски «толстощекой дурнушки» [Ямаори 2011, с. 95–97].

Ямаори Тэцуо в своей монографии пишет, что продолговатые лица в период Эдо были «искусственно созданной красотой» привилегированного пространства веселых кварталов. Подобные лица были редкими, уникальными, «не такими, как у всех», поэтому быстро стали восприниматься как новый, труднодостижимый эталон красоты. Большую роль сыграл и фактор культурного отбора, ведь при выборе жены для сёгуна вытянутое лицо было одним из критериев, о чем свидетельствует исследование черепов как самих сёгунов, так и их жен [Ямаори 2011, с. 134–136].

Жизнь «дев веселья» стала воплощением принципа *укиё* 浮世 (плывущий, изменчивый мир). Образ *ю:дзё* был овеян романтическим ореолом, а переменчивость ее сердца олицетворяла то самое непостоянство всего сущего. Однако не только сердце, как описывается в художественной литературе, но и само положение «дев веселья» в квартале было очень непрочным и зависело от многих факторов. Начиная с отношений с хозяином и хозяйкой веселого дома, благосклонности посетителей и заканчивая указами *бакуфу* и стихийными бедствиями.

Кугай дзю:нэн, или «десять лет страданий», – так называли жизнь *ю:дзё* в Ёсивара, и под масками благородных дам, которые носили *таю:* и *ойран*, нередко скрывались душевные и телесные болезни. В частности, одним из самых распространенных заболеваний в Эдо, в том числе в Ёсивара, считалось *каккэ* или бери-бери, возникающее вследствие недостатка витамина В₁ в организме людей, питающихся преимущественно белым рисом. Помимо *каккэ*, еще одним распространенным заболеванием в Ёсивара был *байдоку* (сифилис). Китайский историк Ляо Юйцюнь в своей статье «О болезни *каккэ* в период Эдо» [Ляо 1999, с. 103–123] даже предполагает, что термин «*каккэ*» в японской медицинской литературе периода Эдо был истолкован некорректно и на самом деле использовался для обозначения болезни, схожей с *байдоку*, или самой болезнью *байдоку*. Разумеется, эта сторона жизни *ю:дзё* в искусстве и литературе периода Эдо практически не затрагивалась.

Таким образом, квартал Ёсивара периода Эдо, со всех сторон окруженный стеной и рвом с водой, представлял собой отдельный мир, существовавший по своим собственным внутренним законам. Человек, проходивший через главные ворота, оставлял снаружи свой настоящий статус. И самурай, и купец были равны в веселом квартале, а бывшая крестьянская девочка могла стать «знатной дамой». Все в Ёсивара знали свои роли и играли строго «по сценарию». В подобном замкнутом пространстве рождались и свои собственные каноны красоты. Помимо эталонов, общих для всей Японии, таких как белоснежная кожа и длинные

черные волосы, существовали и такие стандарты, как черненные зубы, нежные ухоженные стопы ног, покачивающаяся походка, сложные прически и др. Эти и другие эталоны красоты часто проникали за стены квартала и оказывали огромное воздействие на моду всего Эдо.

Литература

- Алексеев 2002 – *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. 574 с.
- Бекер 2013 – *Бекер Дж.* Гейши: История, традиции, тайны / Пер. с англ. А.И. Шмелева. М.: ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2013. 318 с.
- Лихолетова 2019 – *Лихолетова О.Р.* Отражение концепта «красавица» в японском языке // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 18. М.: Ключ, 2019. С. 59–58.
- Мещеряков 2012 – *Мещеряков А.Н.* Тело японца: от патернализации к национализации [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2012/03/29/meshcheryakov/> (дата обращения 18.11.2021).
- Моррис 2019 – *Моррис А.* Мир блистательного принца: Придворная жизнь в древней Японии. М.: Дело, 2019. 464 с.
- Станюкович 2015 – *Станюкович М.В.* Черное и белое: Бетель, чернение и подпиривание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чай: Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред., сост. М.В. Станюкович; ред. А.К. Касаткина. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 243–264.
- Фесюн 2020 – *Фесюн А.Г.* Ёсивара «(город наслаждений)». М.: Серебряные нити, 2020. 181 с.
- Ямаори 2011 – *Ямаори Тэцуо.* Лицо: Портрет и культура Японии / Пер. с яп. К.Г. Маранджян. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 160 с.
- Андо 2016 – *Андо Юитиро 安藤優一郎* [Веселый квартал Ёсивара и его юдзё: Повседневная жизнь юдзё в Ёсивара сквозь призму культуры периода Эдо]. 江戸の色町遊女と吉原の歴史 江戸文化から見た吉原と遊女の生活 [Эдо-но иромати юдзё то ёсивара-но рэкиси. Эдо-бунка кара мита ёсивара то юдзё-но сэйкацу]. Токио: Кандзэн, 2016. 230 с.
- Ляо 1996 – *Ляо Юйцзюнь 廖育群* [О болезни каккэ в период Эдо]. 江戸時代の脚気について [Эдо дзидай-но каккэ-ни цуитэ] // (Нихон кэнкю: Кокусай Нихон бунка кэнкю: сэнта: киё:) 日本研究: 国際日本文化研究センター紀要 [Материалы Международного центра исследований японской культуры]. 1996. № 14. С. 103–123.
- Митани 2011 – *Митани Кадзума 三谷一馬* [Собрание иллюстраций Эдо Ёсивара]. 江戸吉原図聚 [Эдо Ёсивара дзусю:]. Токио: Тюокорон-синся, 2011. 638 с.
- Сато 1999 – *Сато Ёдзин 佐藤要人* [Справочник сэнрю: Ёсивара]. 川柳吉原便覧 [Сэнрю: ёсивара бэнран]. Токио: Сансэйдо, 1999. 416 с.

- Seigle 1993 – *Seigle C.S. Yoshiwara: The Glittering World of the Japanese Courtesan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993. 310 p.
- Yamashiro 1977 – *Yamashiro Y. A study of the Yoshiwara-Saiken // The journal of the Historical Association of Kanazawa University*, no. 24, 1977. P. 111–134.

References

- Alekseev, V.M. (2002), *Trudy po kitaiskoi literature* [Works on Chinese Literature], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Ando, Yuichirou 安藤優一郎 (2016), *Edo-no iromachi yuujo to yoshiwara-no rekishi. Edo bunka kara mita yoshiwara to yuujo-no seikatsu* 江戸の色町遊女と吉原の歴史 江戸文化から見た吉原と遊女の生活 [Yoshiwara's pleasure quarter and yuujo. Life of Yoshiwara and yuujo as seen from Edo culture], Kanzen, Tokyo, Japan.
- Becker, J. (2013), *Geishi. Istoriya, traditsii, tainy* [Geisha and Courtesan Life in Old Tokyo], ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Fesyun, A.G. (2020), *Esivara «(gorod naslazhdenii)»* [Yoshiwara “(The City of Delights)”], Serebryanye niti, Moscow, Russia.
- Liao, Yuqun 廖育群 (1996), “Edo jidai-no kakke-ni tsuite” 江戸時代の脚気について [About beri-beri in the Edo period], in *Nihon kenkyuu: Kokusai Nihon bunka kenkyuu senta kiyuu* 日本研究: 国際日本文化研究センター紀要 [Materials of the International Center for Japanese Cultural Research], no. 14, pp. 103–123.
- Likholetova, O.R. (2019), “Otrazhenie kontsepta «krasavitsa» v yaponskomazykye” [Reflection of the concept “beauty” in Japanese], *Yaponskii yazyk v vuzе: aktual'nye problemy prepodavaniya*, vol. 18. pp. 58–59.
- Meshcheryakov, A.N. (2012), *Telo yaponsa: ot paternalizatsii k natsionalizatsii* [The Japanese body. From paternalization to nationalization], available at: <https://polit.ru/article/2012/03/29/meshcheryakov/> (Accessed 18 Nov. 2021).
- Mitani, Kazuma 三谷一馬 (2011), *Edo Yoshiwara zushuu* 江戸吉原図聚 [Collection of illustrations of Edo Yoshiwara], Chuokoron-shinsha, Tokyo, Japan.
- Morris, A. (2019), *Mir blistatel'nogo printsa. Pridoornaya zhizn' v drevnei Yaponii* [The World of the Shining Prince: Court Life in Ancient Japan], Delo, Moscow, Russia.
- Satou, Yojin 佐藤要人 (1999), *Senryuu yoshiwara benran* 川柳吉原便覧 [Yoshiwara Senryu Sourcebook], Sanseido, Tokyo, Japan.
- Seigle, C.S. (1993), *Yoshiwara: The Glittering World of the Japanese Courtesan*. Honolulu: University of Hawaii Press, Hawaii.
- Stanyukovich, M.V. (2015), “Black and White. Betel, Teeth Blackening and Filing, and Colonial Prejudices”, In Stanyukovich, M.V. (ed), *Betel', kava, kola, chat. Zhevatel'nye stimulatory v rituale i mifologii narodov mira. Maklaevskii sbornik* [Betel, Kava, Cola, Chat. Chewing Stimulants in Ritual and Mythology. Maclay Publications], Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk, Saint Petersburg, Russia, pp. 43–64.
- Yamaori, Tetsuo (2011), *Liiso: Portret i kul'tura Yaponii* [Face. Japanese portrait and culture], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Yamashiro, Yukiko (1977), “A study of the Yoshiwara-Saiken”, *The journal of the Historical Association of Kanazawa University*, no. 24, pp. 111–134.

Информация об авторе

Анастасия А. Бахвалова, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620075, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; anastasiia_bakhvalova@yahoo.com

Information about the author

Anastasiya A. Bakhvalova, master's student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenina Av., Ekaterinburg, 620075, Russia; anastasiia_bakhvalova@yahoo.com